

Павлов Н. В.

**По Монголии. Очерк
экспедиции 1923-1924 и 1926**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н11

Н11 **Н. В. П.**
По Монголии. Очерк экспедиции 1923-1924 и 1926 / Павлов Н. В. – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 351 с.

ISBN 978-5-521-26963-1

ISBN 978-5-521-26963-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предлагаемые вниманию читателей очерки охватывают период 1923-24 гг., проведенный в экспедиции Государственного географического о-ва под начальством П. К. Козлова, и Монгольской комиссии при СНК в 1926 году.

В первые два года, кроме длительного пребывания в Урге, мне посчастливилось съездить почти на два месяца в Китай, а затем выполнить длинный самостоятельный маршрут, прошедший по всем естественным областям Монголии: степям, горным системам и северной окраине великой пустыни Гоби. В 1927 году были доисследованы горные области Хангая и пройден новый путь в пределы Советского союза.

Получившееся географическое описание путей не претендует на полноту и представляет работу, каких ежегодно путешествующими по отдаленным странам пишутся десятки. Главнейшим недостатком подобных работ считают, обычно, неиспользование существующей обширной литературы. Однако, совершенно сознательно последняя мной не затронута, ибо для полного и академического знакомства с описываемой страной существуют руководства другого типа. Такова, например, недавно законченная изданием капитальная сводная работа Г. Е. Грум-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край», в своих трех томах использующая все имеющиеся источники. Моя задача — ознакомить читателя с маршрутами экспедиции и развернуть перед ним картины прекрасной монгольской природы, не отягощая внимания научным цитатами.

В технике письма я стремился исключительно оттенить переход от повседневных мелочных наблюдений к некоторым общим причинам и идеям, являющимся конечной целью исследования природы всякой страны. Если мои непритязательные очерки воспитают интерес к постепенно забываемым, даже молодежью, несравненным описаниям Н. М. Пржевальского, то и тем они вполне оправдают свое назначение.

Я считаю долгом выразить сердечную признательность П. К. Козлову и А. Н. Васильеву, способствовавшим посещению мной Монголии и Китая. Особенно отмечаю содействие глубокоуважаемого академика В. Л. Комарова, благодаря которому я получил возможность докончить увлекательное исследование Хангая.

В составлении книги помогли еще несколько лиц. Растения обоих путешествий обработаны мной под наблюдением и руководством дорогого Д. П. Сырейщикова. Многие детали экспедиционной жизни в Урге и в дороге не могли бы быть восстановлены, если бы моя жена, А. Н. Павлова, бережно не сохранила всех писем и введенных для нее дневников. Все иллюстрации выполнены моим товарищем по вторичной поездке, зоологом А. Н. Формозовым. Всем им приношу глубокую и искреннюю благодарность.

Книга написана мной при исключительно тяжелых личных обстоятельствах. Может быть поэтому я не сумел вложить в нее всей той радости, какую испытывает человек на новых манящих путях. Это должно послужить единственным оправданием и других возможных недостатков работы. Для меня будет достаточным успехом, если очерки привлекут новых, более счастливых, исследователей, чтобы исправить ее ошибки и недосмотры.

Москва
I Государственный университет
1928

Н. ПАВЛОВ.

I

ОТ МОСКВЫ ДО ТРОИЦКОСАВСКА.

Снаряжение экспедиции. Отъезд. Свердловск. „Каменные палатки“. Обилие птиц. Р. Енисей — граница Европы и Азии. Остановка в Иркутске. Байкал. Верхнеудинск. Плавание по р. Селенге. Монгольский ландшафт. Приезд в Троицкосавск.

Напряженная работа по подготовке и оборудованию экспедиции продолжалась почти четыре месяца. Экспедиция была рассчитана на три года пребывания в пути. Состав ее был определен в 21 человек. Нужно было позаботиться об обмундировании, вооружении людей, их продовольствии в необитаемых местах и снабжении экспедиции всем необходимым научным инвентарем, материалами и инструментами. Заказы на снаряжение и оборудование выполнялись одновременно в Москве и в Ленинграде.

Ленинград давал нам научное снаряжение. Из Русского географического общества, считавшегося инициатором и главным руководителем экспедиции, мы получили метеорологические инструменты и гербарную бумагу, оставшуюся там от несостоявшейся экспедиции П. К. Козлова в 1914 году. Также сохранилась с 1914 года часть караванного снаряжения. По традиции, Зоологический музей Академии наук оборудовал всю зоологическую часть экспедиции — от него мы получили: шведские банки для спиртовых коллекций, коробки для насекомых, сачки, морилки, паклю, вату и всякого рода консервирующие жидкости: мышьяк, формалин и т. д. Мастерская «Красный парус» изготовила по наброскам и размерам, данным П. К. Козловым, четыре превосходные палатки: две двускатные монгольского типа на 8—10 чело-

Заставка — голова „аргали“ — горного барана (*Ovis ammon mongolicus*).

век каждая, одну небольшую датского типа с прямыми стенками и маленькую двускатную палаточку для выючных поездов в горы.

В Москве было получено необходимое оружие, заказаны седла, закуплено белье, верхнее платье и обувь. В НКПС нам удалось выхлопотать наряды на один пассажирский вагон для личного состава экспедиции и один товарный под снаряжение, от Москвы до Верхнеудинска.

К началу июня большинство заказов было уже выполнено. П. К. Козлов неоднократно говорил, что ни одна из его предыдущих экспедиций в Центральную Азию не снабжалась с такой полнотой, как была снабжена наша экспедиция, организованная советским правительством.

25 июня под моим руководством был нагружен оборудованием товарный вагон и московская группа переехала в Ленинград для соединения с ленинградской и догрузки инвентаря, находившегося в Русском географическом о-ве. Кроме меня выехали из Москвы: К. К. Даниленко, А. Д. Симук, препараторы В. М. Канаев и П. С. Савельев, переводчик дунганин Насыр Касимов и П. М. Саранцев.

Предполагалось, что в Ленинграде экспедиция пробудет всего несколько дней, но непредвиденные обстоятельства задержали нас здесь почти на целый месяц. В состав ленинградской группы входили Е. В. Козлова (зоолог), С. А. Глаголев (географ), Е. П. Горбунова (врач), С. А. Кондратьев (композитор) и из низшего персонала В. М. Худяков.

Наконец, все было сделано. 23 июля мы вытребовали по нарядам НКПС разрешенные нам вагоны. Накануне отъезда Русское географическое о-во устроило П. К. Козлову и сотрудникам его экспедиции «прощальный товарищеский чай». Нужно отметить, что на нем присутствовал весь ученый мир Ленинграда.

На следующий день, за два часа до отхода поезда, все мы съехались в Русское географическое о-ве, чтобы захватить с собой в пассажирский вагон наиболее чувствительные и точные инструменты, дорогое оружие и, вообще, ломкие и ценные предметы.

В обычном пассажирском вагоне наша небольшая группка, разумеется, легко и удобно разместилась, несмотря на то, что вещей набралось порядочно.

После хлопот, усталости и волнений последних дней

поездка явилась полным покоем и отдыхом. Мы ехали зелеными перелесками Ленинградской губернии и моховыми болотами Новгородской в прекрасном расположении духа. После Свердловска перед окнами вагона потянулась лесостепная полоса Западно-сибирской низменности с разобоченными березовыми «колками» и травянистыми пространствами степи между ними. Вблизи Петропавловска лесостепь сменилась вдавшимся далеко к северу языком безлесных полупустынных степей...

После двухчасовой стоянки выехали из Омска. Ландшафт местности не изменился, — попрежнему продолжается лесостепь, местами с вкраплениями солонцов. Отдельные «колки» березы с округлыми завихренными вершинами все время рассеяны по обеим сторонам полотна и отсутствуют только там, где значительные пространства степи распаханы и желтеют поля пшеницы. Несмотря на обилие распаханки, богатство и девственность сибирской природы чудесно выражается в огромном количестве птиц. Недалеко от Новосибирска мы пересекали южную часть низменного, равнинного водораздела Барабинской степи, где между степными увалами и гривками с «колками» березы лежат обширные осоковые болота, по сибирски называемые «займищами». Несомненно, пролет уже давно окончился и мы наблюдали местную оседлую и гнездящую птицу, но численность ее прямо поражала. У самого поезда взлетали стайки по несколько десятков уток, бродили всевозможнейшие кулики и испуганно ныряли поганки. Местами утки даже не поднимались при появлении поезда, а только отплывали по черно-коричневым болотным озеркам.

От Новосибирска дорога пошла северной лесной полосой бывшей Томской губернии. Здесь холмы покрыты темными хвойными лесами. На луговинах в лесу растут высокие лесные травы: синие султаны живокости¹ и аконита², яркие пятна колокольчиков и те же, что и на Урале, бубенчики³. На полпути к ст. Тайга, откуда идет короткая ветка на Томск, справа виднеются предгорья Алтая. Синюющие вдаль лесистые горы кажутся острее и выше северного Урала.

Наконец, приблизились к действительной границе Европы и Азии, лежащей несколько западнее реки Енисей. Еще старые исследователи — Гмелин, Паллас, Радде указывали, что переход от Европейской России к Западной Сибири, отмечаемый Уралом, значительно менее заметен, чем есте-

ственная граница между равниной Западной Сибири и горной страной Восточной Сибири, лежащей за Енисеем. И на самом деле, различие ясно выступает даже при поверхностном взгляде. Прежде всего изменяется рельеф: дорога идет сильно расчлененными лесистыми горами, при чем сначала синее с юга мягкие пологие предгорья Алтая, а ближе к Красноярску вся поверхность всхолмлена самостоятельными системами. Ботанически граница также является вполне очевидной: растительность дает массу видов, отличных от Западной Сибири, и если за Уралом с трудом находятся виды различные с Европейской Россией, то здесь гораздо труднее отыскать общие. На немногих и редких остановках, ибо здесь колонизация охватывает только узкую полосу вдоль железной дороги и население редко и рассеяно, из 20-25 видов, которые удавалось собрать, до двух трех, то-есть 12-15 растений, были неизвестными и незнакомыми. Насколько мне помнится, фаунистическая граница слабее по двум причинам: во первых, лесная область северного полушария, тянущаяся через соединенное тело обоих материков, вообще имеет довольно однородную и не богатую численно фауну, а, во вторых, животные и птицы, обладая гораздо более совершенными средствами расселения, почти всегда выносят границы фаунистических областей за пределы флористических провинций. Впрочем, нет никакой надобности в точном совпадении всех границ, устанавливаемых по естественно-историческим объектам, потому что обычная тенденция видов — возможно расширить область своего распространения, влечет постоянные колебания границ, зависящие как от способов и средств расселения, так и от всякого рода пределов и ограничений, которые ставит сама природа.

В длинных перегонах от станции до станции ландшафт был прекрасен. Высокие холмы, заросшие смешанными хвойными лесами из сосны, пихты, ели и лиственницы, кое-где березовые перелески на склонах, а между ними глубокие овраги, синие от гигантских кистей живокости¹, в которой желтеют соцветия гнилопатки². Кое-где мелькали блестящие быстрые речки и по всему пути полное безлюдье. Вдали — обычное зло Сибири, — лесные пожары.

Часов в 6 вечера приехали в Красноярск — маленький красивый городок, расположенный на берегу р. Енисея. На станции простояли долго, и выехали, когда уже стемнело; поэтому, к общему сожалению, не удалось достаточно

хорошо рассмотреть знаменитый мост через Енисей. Енисей, с которым по красоте не может сравниться ни одна река Европейской части Союза, разглядели хорошо. Выше моста река течет в крутых скалистых берегах, а потом, ниже, разливается необыкновенно мягко и покойно.

После длинной и сырой ночи еще целый день сходили лесистыми горами Енисейского и Иркутского округов. Ландшафт все время горный, дорога порою вьется между стенами гранитных выемок, или зеленый луговой склон заканчивается вверху, как рыцарским замком, столбами и стенами скалистых выходов. В котловинах и падах — сырые пышные луга или гари с буреломом и красными пятнами кипрея⁶, Иван-чая, как зовут его в европейской части Союза. В 4 часа приехали в Иркутск. Здесь предстояло неприятное занятие — пересадка в другой вагон, ибо почтовый поезд, в составе которого мы шли, в Иркутске расформировывался. На вокзале нас встретили представители Иркутского университета, во главе с зоологом профессором В. Дорогостайским и старинные друзья и знакомые П. К. Козлова. Иркутский университет любезно приготовил для нас помещение в городе, но все мы привыкли к вагону и остались жить в нем.

В Иркутске предстояли кое-какие дела по снабжению экспедиции: закупили свечи, чай; С. А. Кондратьев выверял хронометры, кроме того пужно было добыть в управлении Забайкальской дороги вагон для дальнейшего следования. Последнее удалось легко, мы перегрузились в новый вагон и жили наготове к от'езду.

Выехали из Иркутска в воскресенье 12-го очень торжественно. Поезд уходил в 1 час 40 минут дня, но уже с 11 стали собираться провожающие.

От Иркутска до Верхнеудинска расстояние равно 480 километрам. Первые 60 километров пути до станции Байкал поезд идет по долине р. Ангары, находящейся слева, а справа высятся горы, покрытые сосновым лесом. Глаз утомляется однообразием и привычностью ландшафта. Но вскоре на Ангаре начинают появляться торчащие из воды огромные скользкие камни, течение ее делается стремительным, вдали вырисовываются темные крутые очертания гор, и поезд, вылетая из-за поворота, под'езжает к необозримой темно-синей шири озера. Влево на истоке Ангары остается темная скала, выдающаяся среди пенящейся реки и называемая Шаманским камнем. Прибайкальские буряты считают этот камень священным, и даже с поезда видно, что весь он уве-

шап платками, тряпичками, косицами волос и другими бесхитростными приношениями.

Вид озера, лежащего в рамке крутых и лесистых обрывов гор, с его неумолчным глухим прибоем и седыми гребнями пены—бесподобен. В сравнении с угрюмой красотой Байкала веселые зеленые горы Черноморской области и легкие краски южного моря кажутся златокудрым пятилетним мальчиком рядом с мощным великаном. Причудливо извиваясь, железнодорожная магистраль идет вдоль сплошной стены гор, вьется по узенькому краешку, вырубленному в скале, иногда так близко от нее, что, высунувшись из окна в противоположную озеру сторону, надо смотреть на вершины гор совершенно вертикально вверх. Горы лесисты, непроходимы, по склонам их мощный валежник из старых сосен, кедров, и, главным образом, лиственниц, а в падах—зеленые заросли кустарников: ерника и ив. Влево от железной дороги, в 50-100 шагах от полотна, в могучие глыбы гранита и мрамора, которыми укреплен берег, бьет с неумолкающим гулом беспокойный Байкал. Порою сверкающая полоска рельсов вдали упирается в темный закопченный обрыв скалы и, не имея возможности обойти массивный выступ береговых гор—поезд погружается в черную пасть тоннеля...

П. К. Козлов поручил мне устроить наше дальнейшее путешествие к монгольской границе на пароходе по р. Селенге; поэтому, как только мы прибыли в Верхнеудинск, я с А. Д. Симуховым пошли на пристань и заказали каюты, а также подводы для вывозки имущества. К сожалению, пароход должен был прийти только 15-го, поэтому еще одну ночь предстояло провести в вагоне.

На другое утро, под проливным дождем начали погрузку имущества и перевозку багажа на пристань. Только теперь, когда было погружено 20 обычных забайкальских двуколок, мы могли воочию убедиться, какой громоздкий и значительный груз отправится вместе с нами в путешествие. Ранее, пополняя багаж, то в Ленинграде, то в Иркутске, было трудно определить объем и вес его. От станции до пристани всего 1-1½ километра, но и это небольшое расстояние мы преодолели с большим трудом из-за сыпучих мягких песков, составляющих характерную особенность улиц Верхнеудинска. Казалось, что весь город занесен песками, и только верхняя нагорная часть его и огромный шумный

рынок имеют каменистую почву. После перевозки груза мы оставили вагоны и с разрешения начальника пристани поместились на ночь в большом пустовавшем пакгаузе, так как против ожиданий пароход вечером не пришел.

Ночью пришел колесный пароход «Товарищ». Утром под нашим наблюдением рабочими госпароходства был погружен багаж. Затем все мы поднялись на пароход и устроились очень удобно и спокойно, а около полудня он отвалил и направился вверх по реке, на юг.

От Верхнеудинска долина Селенги крайне широка, река разделена песчаными островами на несколько рукавов, берега реки гористы, покрыты темным сосняком или яркой зеленью лиственниц.

Пароход шел медленно, едва справляясь с сильным течением, и все время лавировал по протокам от берега к берегу в поисках «стремени», то-есть наибольшей глубины русла. И без того прихотливое, постоянно перемещающее свои наносы, течение реки Селенги осложняется еще притоками, в свою очередь выносящими песчаные отмели и каменистые гряды в фарватер. В таких местах пароход идет ощупью, с непрерывными промерами, выкидывая на медленном ходу мириады искр и углей прямо на палубу и, порою, с легким шуршанием скользя бортом по ивняку, нависшему с подмытых слоистых обрывов. Некоторые из притоков, как Джиды, Темник, или Чикой, настолько велики, что при впадении устья их мало различимы от русла самой Селенги, тем более, что песчаные наносные острова и мощные заросли ивняков им также сопутствуют.

По мере того, как мы поднимались вверх, ландшафт береговых хребтов изменялся. Леса поредел и покрывали лишь северные склоны гор, а выше устья р. Чикой почти совершенно исчезли. Здесь на большом расстоянии тянулась пожелтевшая выгоревшая степь, одевавшая и подножья отошедших из долины холмов. Только у самой реки и на низких местах располагались еще зеленевшие луга. Далее южные склоны гор стали каменистыми и пустынными и по ним лишь кое-где были видны единичные, искривленные с широкими округлыми кронами деревца вяза⁷. Поселения по берегам встречались редко. Иногда на песчаном обрыве нагорного берега попадались или бурятские деревни с земляными плоскими крышами или вдалеке виднелись русские поселки с однообразными деревянными избами под двускатными крышами. Буряты — дети и взрослые — выбегали на

берег, встречая пароход сочувственными восклицаниями и долго провожали его глазами, рассеившись на обрыве берега и свесив ноги.

Вечером, после нескольких незначительных остановок для погрузки дров, мы под'ехали к маленькому уездному городу Селенгинску. В темноте отчалили из Селенгинска, пройдя еще несколько километров, пришвартовались к берегу и до рассвета мирно стояли на месте. Но капризной и мелкой Селенге плыть ночью слишком рискованно...

На рассвете «Товарищ» двинулся дальше. Теперь река очень сузилась, часто она шла одним единственным плесом, то по плоской степной равнине, то между отвесных выжженных скал с деревцами вяза, лепившимися на уступах и крутизнях. П. К. Козлов обратил наше внимание на конусовидные «обо», украшавшие отдельные вершины хребтов. Это — большей частью груды камней, сложенные руками суверенных бурят в честь горных духов, и на ярком синем небе они выступают четкими возвышениями, чуть ли не на каждой горе.

Только поздним вечером, часов в 8 приехали в Усть-кяхту, крохотную пристань, затерянную между серых пустынных гор. Там нас встретил приветливый и любезный старичок, председатель Троицкосавско-кяхтинского отделения Русского географического о-ва, Петр Саввич М и х н о. Он принес нам почту и сообщил, что в Троицкосавске для экспедиции уже приготовлено помещение в школе. От этого предложения из-за темноты и позднего времени решили отказаться и залегли спать на пристани, договорившись о лошадях на утро.

Утром П. К. Козлов и С. А. Глаголев уехали вперед. Через час двинулись и мы. Необычная природа окрестностей Троицкосавска овладела нашим вниманием. Нас окружала бугристая песчаная степь с кустиками харганы⁸ или присовые луга с пятнами и кольцами из сизых листьев ириса⁹. Этот своеобразный ландшафт характерен для монгольской природы. Его можно встретить в лесных местностях Забайкалья по долинам больших рек. Организмы вообще имеют свойство занять возможно большую площадь распространения, тем же свойством наделены и устойчивые сочетания нескольких видов, размещающихся в определенных условиях почвы, влажности и т. д. и называемые растительными сообществами. Частный случай подобных явлений и дается долиной р. Селенги, по которой на песчаных